

О МАТЕРИ

(З. В. Удальцова)

Моя мать Зинаида Владимировна Удальцова родилась 5 марта 1918 г. в Кисловодске в семье местного землевладельца Владимира Амвросьевича Мыльцына и его жены Марианны Дмитриевны, урожденной Абрамовой.

Оба ее деда выбились «из простых» наверх. Дед по отцу Амвросий Николаевич Мыльцын происходил из мещан города Царицына (ныне Волгоград), начал чуть ли не бурлаком, затем стал лесопромышленником. Ему принадлежали большой лесопильный завод в Царицыне и несколько домов, вел он также дела по сплаву леса по всей Волге. Его дело унаследовал старший сын, а Владимира Амвросьевича, единственного в семье, решили учить. В 1910 г. он окончил юридический факультет Московского университета. Однако юриспруденция его не увлекла, и он быстро перестал работать по полученной в университете профессии,

а впоследствии не пытался к ней вернуться. Его интересы лежали совсем в другом. После женитьбы и рождения старшей дочери Ирины он решил обзавестись собственным хозяйством. Незадолго до революции он купил большой земельный участок на окраине Кисловодска, возле станции Минутка, завел породистых лошадей, племенных коров, кур и начал хозяйствовать.

Дед с материнской стороны Дмитрий Николасвич Абрамов, родом из крестьян Кирилловского уезда Новгородской губернии (теперь Вологодская область), перешел затем в мещанское сословие, смолоду начал работать в Волжско-Камском банке, служил в его отделениях в разных поволжских городах и завершил карьеру управляющим отделением банка в Вятке, там родилась Марианна Дмитриевна. В семье было пять дочерей и два сына (еще трое детей умерли в детстве). Абрамовы были культурной семьей, две старшие дочери учились в Сорбонне, а дочь Зинаида, по мужу Клобукова (в ее честь называли племянницу) была скульптором, ученицей А. С. Голубкиной, и основала в Вятке первую художественную школу. Сама Марианна Дмитриевна окончила лишь гимназию и почти никогда не работала, но любила музицировать и хорошо играла на рояле и пела, даже партию Кармен в домашнем исполнении.

К моменту рождения Зинаиды Владимировны хозяйство на Минутке еще существовало, но вскоре началась гражданская война. Власть много раз менялась, отца однажды чуть не расстреляли, но в итоге вся семья осталась жива, потеряв большую часть хозяйства. Сохранилась одна корова, спасавшая детей в трудные годы. Семья переехала в другой дом, поменьше, в самом Кисловодске, где жила до 1929 г. Жили сдачей жилья интеллигентным курортникам: в доме на Тургеневской улице снимали комнаты В. И. Качалов, В. В. Вересаев, Ю. Н. Тынянов, академик П. Н. Сакулин.

Нельзя не отметить совпадение: Зинаида Владимировна родилась в том же году, в том же городе и в семье того же социального слоя, что А. И. Солженицын (семьи знакомы не были). Но судьбы их сложились совершенно по-разному.

В 1929 г. в Кисловодске началось преследование домовладельцев. Семья сначала лишилась дома, через год появилась опасность ареста. Владимир Амвросьевич уехал в Сталинград к матери, туда же отправилась старшая дочь, окончившая школу. Вскоре Марианну Дмитриевну предупредил знакомый: она в списках на арест и следующей ночью за ней должны прийти. Пришлось немедленно уехать в Москву к сестре-скульптору. Зина, которой было двенадцать лет, осталась в Кисловодске одна в съёмной комнате на целый год, правда, под присмотром тетки Галины Дмитриевны (после Сорбонны она просвещала карачаевцев) и бабушки. Уже тогда ей пришлось учиться быть самостоятельной. Через год, летом 1931 г., и она уехала в Москву, где собралась вся семья; с тех пор она всегда жила там, исключая период эвакуации. В большом городе нетрудно было затеряться, и в итоге репрессии не коснулись никого из Мыльцыных.

Семья жила в те годы в проходной комнате большой коммунальной квартиры в Выползовом переулке (теперь на месте этого дома дворец «Олимпийский»). Затем в 1936 г. отцу удалось выхлопотать небольшую двухкомнатную квартиру возле зоопарка, на Конюшковской улице. Отец работал мелким служащим, мать вела хозяйство, дочери учились (Ирина Владимировна окончила Педагогический институт имени Ленина и впоследствии более тридцати лет преподавала русскую литературу на факультете журналистики МГУ). Жилось трудно, но весело. Одно время Зина, тогда еще школьница, увлеклась балетом и занималась у знаменитого К. Я. Голейзовского. Но скоро она поняла, что великой балерины из нее не выйдет, хотя с Голейзовским завязались многолетние отношения, был даже момент (перед самой войной, после ее развода), когда Касьян Ярославич хотел жениться на ней, бросив жену и маленького сына (сохранилось письмо), но это не осуществилось. Потом, на моей памяти, они продолжали дружить, уже мирно и спокойно, до самой его смерти.

В 1935 г. Зина вместе со школьной подругой Ириной Кругликовой (1917—2008, впоследствии археолог, доктор исторических наук) решили поступать на исторический факультет МГУ, воссозданный лишь за год до этого, обе поступили. Выбор профессии был сделан раз и навсегда.

Вскоре жизнь круто изменилась. Уже на втором курсе студентка в восемнадцать лет вышла замуж за своего сокурсника Ивана Удальцова. Первый брак не оказался прочным (хотя фамилия сохранилась на всю жизнь), но значительным для Зинаиды Владимировны оказалось влияние среды, в которой она оказалась, резко отличавшейся от того, к чему она привыкла. Ее муж был сыном старого коммуниста Ивана Дмитриевича Удальцова (до сих пор в Москве есть улица, названная в его честь), недолго бывшего ректором МГУ. Свекор был ярким, интересным человеком, как и его жена, Маргарита Мануиловна. Уровень жизни и круг знакомств были совершенно иными по сравнению с Выползовым переулком. Три лета подряд Удальцовы, включая Зину, отдыхали в Теберде, где одновременно с ними бывали С. С. Прокофьев, Л. Д. Ландау. Но в этой семье пришлось пережить и 1937 г. Не раз к привилегированному дому на улице Усачева по ночам подъезжали машины, Иван Дмитриевич жег бумаги. Но и тут обошлось: Удальцовы оказались среди той части жильцов дома, которая уцелела. После развода Зинаида Владимировна продолжала дружить с Иваном Дмитриевичем и Маргаритой Мануиловной до конца их жизни.

Влияние Ивана Дмитриевича и его брата, историка Александра Дмитриевича Удальцова оказалось значительным: до университета девушка даже не состояла в комсомоле, но на факультете скоро стала активной общественницей. Позже, в 1945 г. И. Д. Удальцов, тогда уже не родственник, дал ей рекомендацию в члены партии.

Но, прежде всего Зина старательно училась, в дипломе у нее были всего две четверки, каждую из которых она долго переживала. В те годы на факультете было много хороших преподавателей, но выбор главного Учителя произошел сразу и

окончательно: это был будущий академик Евгений Алексеевич Косминский, зав-довавший кафедрой истории средних веков (которую спустя много лет возглавит сама Зинаида Владимировна). Студентка занималась в его семинаре. Но чем она будет дальше заниматься, еще не было ясно.

Выбор подсказал незадолго до окончания университета А. Д. Удальцов. Как-то он сказал: «Сейчас перспективны те области истории, которые нужно создавать заново и которые пока не охвачены специалистами». Племяннику он посоветовал заняться историей славян (впоследствии он стал директором Института славяноведения АН СССР), а его жене — историей Византии. Идея понравилась, темой диплома стало снабжение Константинополя хлебом при Юстиниане. Руководителем был Косминский, специалист по Западной Европе: византинистов на факультете тогда не было.

Как известно, русское дореволюционное византиноведение было очень сильным и одним из ведущих в мире. Но оно (как и славистика) было особенно тесно связано с официальной царской полигикой, среди византинистов и славистов преобладали ученые консервативной ориентации, почти не было людей с левыми взглядами и тем более марксистов; кроме того, византиноведение в России традиционно имело религиозно-православную окраску, большое место в нем занимала история церкви. Поэтому после революции, когда началась борьба за новую науку, эта дисциплина оказалась в особо тяжелом положении. Старое византиноведение в 20-е гг. как-то спасал авторитет его многолетнего лидера академика Ф. И. Успенского, но после его смерти в 1928 г. ситуация резко ухудшилась. Одни умерли, другие еще раньше эмигрировали, третьи стали жертвами репрессий, как В. Н. Бенешевич и Ф. И. Шмит. Новые же кадры долго не появлялись. В 30-е гг. многие считали, что вообще Византия — не та тема, которой стоит заниматься историк-марксисту, что она далека от нас и «неактуальна». В первой половине 30-х гг. византиноведения в СССР почти не существовало, кроме изучения византийского искусства, где с 20-х гг. работал В. Н. Лазарев. Лишь к концу десятилетия появились первые советские византинисты, причем в Ленинграде раньше, чем в Москве. З. В. Удальцова еще студенткой ездила на преддипломную практику в Ленинград к одной из первых византинисток новой, марксистской формации, Елене Эммануиловне Липшиц. С тех пор они с Липшиц находились в научном контакте почти полвека (Елена Эммануиловна была старше, но пережила Зинаиду Владимировну), хотя их отношения бывали достаточно сложными.

В 1940 г. З. В. Удальцова окончила МГУ и была оставлена в аспирантуре у Е. А. Косминского. Через год началась война, семья (кроме отца, отказавшегося выезжать из Москвы и ставшего комендантом бомбоубежища на Конюшковской) уехала в Бугуруслан Чкаловской (ныне Оренбургской) области. Там обе сестры преподавали в местном учительском институте, а затем и в эвакуированном в этот город из Кишинева Молдавском педагогическом институте. В Бугуруслане Зинаида Владимировна испытала ряд неприятностей (см. очерк «Человек в трех

зеркалах»), но там она встретила будущего моего отца Михаила Антоновича Алпатову, об этой встрече рассказано в предыдущем очерке. После возвращения в Москву они поженились и не расставались до смерти Михаила Антоновича в 1980 г.

В июле 1943 г. Зинаида Владимировна вернулась в Москву и восстановилась в аспирантуре, одновременно она несла разные, как тогда говорили, общественные нагрузки, в том числе была секретарем приемной комиссии первого набора тогда только формировавшегося МГИМО, как раз в это время она вступала в партию. С 1944 г. параллельно с написанием диссертации она начала преподавать в Высшей партийной школе. А в апреле 1945 г., через несколько дней после завершения текста диссертации у нее родился сын, то есть я. Пока она была в родильном доме, ее муж занимался перепечаткой диссертации у машинисток и раздачей экземпляров рецензентам. В июне она уже принимала сессию, а в октябре защищала диссертацию, уехав в перерыве заседания кормить и опоздав из-за этого к объявлению результатов голосования. Домашний быт не был никогда ее стихией. К счастью, ей много помогали родители, особенно отец. Владимир Амвросьевич к тому времени оставил работу (в Москве он так ничего не нашел, что было бы ему по душе) и целиком занялся домом и внуком. Так было в годы, когда семья жила на Конюшковской, но и потом, когда в 1952 г. мои родители и я переехали в новый дом на 2 Песчаную улицу, он много помогал.

Кандидатская диссертация Зинаиды Владимировны была посвящена видному политическому и культурному деятелю Византии XV в. Виссариону Никейскому. Тема была подсказана Косминским, но она вполне соответствовала склонностям аспирантки. Зинаида Владимировна, безусловно, любила Византию, но с детства и юности всем сердцем восприняла определенные каноны своей эпохи, причем был пункт, в котором и старая русская разночинная интеллигенция, и идейные коммунисты вроде братьев Удальцовых сходились по взглядам: они все глубоко почитали античность и Возрождение, недолюбливая «мрачное средневековье». Ее отец был верующим человеком, всю жизнь ходил в церковь (десятки лет он вел домашнюю книгу у расходов, где было зашифрованное обозначение «мой расход»), но мать, тетки и большинство их знакомых либо не интересовались религией, либо, как скульптор Зинаида Дмитриевна, были атеистами; Удальцовы, разумеется, были атеистами тоже. Видимо, поэтому мать в истории Византии интересовалась, прежде всего, началом, когда античные традиции еще не умерли, и концом, когда в гниущую империю начали проникать идеи западного гуманизма. А Виссарион был вождем западной, протогуманистической партии в период, когда империя гнила под нажимом турок.

В кандидатской диссертации подробно была рассмотрена борьба партий в Византии в последние десятилетия ее существования. Этим партий было три: традиционно-православная, туркофильская и западная. И в эту борьбу диссертантка вкладывала свои чувства. Странники турок казались ей предателями, но

ее не меньше раздражали исихасты и другие ревнители православной веры. Она говорила и тогда, и позже, что реакционеры, отрицавшие светскую культуру, ей противны. Симпатии молодой исследовательницы склонялись в сторону западников, связанных с культурой Возрождения. А в те годы и борьба партий пятидесятлетней давности могла восприниматься как нечто политически актуальное. В этом смысле тема была скользкой: не только сторонники турок, но и Виссарион мог восприниматься как предатель своего народа: он перешел в католичество и кончил жизнь кардиналом. И появляется работа с симпатией к нему, да еще как раз тогда, когда советская власть смягчила свое отношение к православию, но с Ватиканом достигло апогея жестокое противостояние. На историческом факультете МГУ к диссертантке, считавшейся одной из первых красавиц, относились хорошо, и защита прошла блестяще. Вскоре в первом номере нового журнала «Советская женщина» появился репортаж «Молодой историк», где его героиня показывалась на фотографиях и на трибуне диссертационного совета, и дома с грудным сыном (первое мое упоминание в печати). Но уже после этого ситуация чуть не осложнилась. Некий Вишневский, не раз писавший в инстанции «сигналы» с разоблачениями, написал в ЦК о том, что в МГУ защищена диссертация, в которой прославляется предатель и агент Вагикана. Пришлось ходить «навстречу» объясняться, обошлось.

На основе диссертации были опубликованы две статьи в только что возобновившемся «Византийском временнике». Это были первые публикации молодого историка. И когда уже в наши дни византилисты решили издать нечто вроде дайджеста «Византийского временника» за столетие его существования, в котором каждый из заметных его авторов представлялся только одним сочинением, из всего множества публикаций Зинаиды Владимировны за сорок лет выбрали именно одну из ее самых ранних статей по кандидатской диссертации. Видимо, ее посчитали в наименьшей степени устаревшей.

И позже ее как историка явнуло, прежде всего, не в самые «типично византийские» эпохи и сюжеты. Все ее более или менее конкретные по тематике работы (не говорю сейчас об обобщающих и историографических сочинениях) посвящены либо самому концу византийской истории (кандидатская диссертация), либо ее самому началу (две наиболее крупные монографии). У нее было личное отношение к своим героям, которых она нередко воспринимала как живых людей. Любимой ее эпохой была эпоха Юстиниана (VI в.), когда Византия более всего походила на впечатлявшую ее Римскую империю. Ее привлекали «последние римляне», пытавшиеся отстоять гибнущую античную культуру, и провозвестники новой культуры вроде Виссариона. А монахи и мистики, споры по поводу догматов и обрядов ей были чужды. Безусловно, она более тяготела к западной культуре, не всегда осознанно. Лишь в 70—80-е гг., когда западничество стало сопрягаться с антисоветизмом, ее взгляды начали меняться. И еще один аспект византийской истории ее задевал лично: роль женщин. Она симпатизировала жене Юстиниана

императрице Феодоре, несмотря на известные ее неприятные качества: Феодора была сильной женщиной и играла большую роль в управлении государством. Другой ее любимой геронней была поэтесса Касня, с чувством достоинства ответившая императору, собиравшемуся на ней жениться, и не ставшая из-за этого императрицей. Ей самой приходилось не раз ощущать, что женщине пробиваться в карьере бывает труднее.

До 1948 г. Зинаида Владимировна продолжала работать в Высшей партийной школе и по совместительству в МГУ старшим преподавателем, а затем доцентом. В 1948 г. она перешла из Высшей партийной школы на постоянную работу в Академию наук. После короткого пребывания в Институте славяноведения она с начала 1949 г. пришла в академический Институт истории, с которым (с двухлетним перерывом в 1968—1970) была связана вся дальнейшая ее жизнь. Параллельно она преподавала на кафедре истории средних веков МГУ. Первоначально в академии она работала младшим, а с 1952 г. старшим научным сотрудником в секторе истории средних веков. Пришла она туда, еще когда сектором заведовал Е. А. Косминский, к тому времени академик, всегда хорошо к ней относившийся, но в 1952 г. он был вынужден покинуть свой пост (еще раньше он был отстранен от руководства кафедрой МГУ). Сектор и кафедру возглавила Н. А. Сидорова, деятельность которой сейчас часто оценивают отрицательно в связи с тем, что она активно проводила партийную линию в науке (ее в одной публикации называли «Сталиным в юбке»). Но конфликт ее с Зинаидой Владимировной не имел идеологического характера: две энергичные и довольно молодые женщины не могли ужиться. Их отношения быстро испортились, и конфликты вспыхивали постоянно. С конца 40-х гг. Зинаида Владимировна также вела основную работу по изданию «Византийского временника». Этот главный печатный орган русской византистики, перестав выходить после смерти Ф. И. Успенского, был возобновлен сразу после войны. Его официальным главным редактором стал Е. А. Косминский, но (после короткого периода, в который журнал делал Б. Т. Горянов) он фактически передал его своей ученице, исполнявшей должности ответственного секретаря, затем заместителя главного редактора. Участвовала она и в коллективных работах: писала главы по Византии в вузовском учебнике истории средних веков и в многотомной «Всемирной истории». В эти же годы у Зинаиды Владимировны появляются первые ученики, среди которых выделялся Г. Г. Литаврин, впоследствии академик.

Но стоял вопрос о тематике новых работ. После диссертации некоторое время Зинаида Владимировна продолжала изучение Византии XV в., но постепенно все более начинал интересовать ранний период византийской истории. Она поступила в докторантуру. В это время ее вызвали на Старую площадь и предложили как молодой коммунистке написать докторскую диссертацию на тему «Комсомол в Великой Отечественной войне». Она решительно отказалась и не без труда добилась утверждения темы по Византии.

Однако окончательная тема докторской диссертации пришла не сразу. В начале 50-х гг. Зинаида Владимировна еще полностью разделяла догмы тогдашней советской науки, среди которых был тезис о «революции рабов, с грохотом опрокинувших Рим», как однажды выразился И. В. Сталин. Ей показался интересным подход, с которым выступил историк А. Д. Дмитриев (коллега моего отца в Сталинграде), в своей докторской диссертации рассматривавший «революцию рабов» в разных частях Западной Римской Империи и сравнивавший ее ход по регионам. Ей захотелось сделать то же для Византии. Начался сбор материала по византийским провинциям, более всего материала нашлось по Италии, которая при Юстиниане на некоторое время вошла в состав Византии. Но концепция «революции рабов» никак не находила на этом материале подтверждения, появились сомнения. Тут умер Сталин, сразу начались дискуссии, в ходе которых от «революции рабов» отказались. Что было делать с частично собранным материалом? Постепенно сформировалось решение заняться темой, менее глобальной, но более рациональной: анализом экономических и политических отношений в Италии VI в. и взаимоотношений между Италией и Византией. Результатом стала большая книга «Италия и Византия», обозначенная на титуле 1959 г., но реально вышедшая в феврале 1960 г., а в мае того же года защищенная в качестве докторской диссертации (оппоненты С. Д. Сказкин, А. И. Неусыхин, М. Я. Сюзюмов).

К этому времени Зинаида Владимировна уже несколько лет работала в созданном ею секторе византиноведения. Ее отношения с Сидоровой накалились до предела (но когда Нина Александровна внезапно умерла в 1961 г., мать искренне ее жалела). Обе стороны понимали, что лучший выход — разойтись. Но, разумеется, для создания сектора имелись, прежде всего, важные научные причины: в Москве уже появилась целая группа молодых византиноведов. Среди них были Г. Г. Литаврин, К. А. Осипова, Р. А. Наследова, несколько позже З. Г. Самодурова и К. В. Хвостова. Особо надо отметить А. П. Каждана. Этому значительному ученому долго не везло: после аспирантуры и защиты диссертации ему (это были времена «борьбы с космополитизмом») отказали в работе в Москве, и он уехал в Тулу. Потом пришлось уехать и оттуда: его уволили за высказывание на политсеминаре: «“Краткий курс” — пособие для домохозяйек, читать надо первоисточники». Александр Петрович устроился лишь в Великих Луках. При организации сектора решили взять одного способного человека с периферии. Зинаида Владимировна колебалась между Кажданом и Карышковским из Одессы, но предпочла в итоге Каждана, он показался перспективнее.

Для организации в 1955 г. сектора Зинаида Владимировна использовала авторитет Е. А. Косминского, к тому времени по состоянию здоровья мало функционировавшего. Он согласился считаться заведующим новым сектором, который иначе бы не утвердили, поскольку он целиком состоял из молодежи, еще не имевшей докторских степеней. После смерти Косминского в 1959 г. Удальцова стала исполняющей обязанности заведующего, а после утверждения ее докторской дис-

сертации ВАКом в 1961 г. — заведующим. Сектор стал центром московского, а во многом и всесоюзного византиноведения, сложилась научная школа.

1955 г. для Зинаиды Владимировны стал годом и других событий. Одно было трагическим: не стало Марианны Дмитриевны, перед тем долго болевшей. Но это был и год первой поездки за границу для участия в Международном конгрессе византинистов в Стамбуле. Тогда такая поездка казалась еще чем-то чрезвычайным. В деревне на Днепре, где родители со мной проводили отпуск, ее нашли телеграммой и предписали срочно возвращаться в Москву, хотя до отъезда на конгресс оставалось еще более месяца. Все последующее время шли инструктажи, утверждения текстов докладов и пр. Но окончательного разрешения ЦК все не было, хотя пора была выезжать. Делегация (В. Н. Лазарев, Д. В. Сарабьянов, З. В. Удальцова) уже решила, что поездки не будет. Потом вдруг позвонили и сказали, что нужно лететь. А дорога была сложной: тогда не было прямого сообщения с Турцией и требовались две пересадки в Праге и Париже. В результате делегация опоздала на открытие конгресса и присхала лишь на второй его день. Потом еще не раз судьба поездок, в которых участвовала Зинаида Владимировна, решалась в конце дня, предшествовавшего отъезду; впрочем, всегда итог оказывался положительным, но с большой нервотрепкой. Лишь к 70-м гг. в этом смысле стало проще.

В 1955 г. еще не закончился самый острый период «холодной войны», и обстановка была напряженной. Во время поездки по Турции ночью кто-то ломился в номер, Зинаиде Владимировне и переводчице пришлось забаррикадироваться, на обратном пути пропал багаж. нашедшийся лишь через три недели. В Стамбул делегация пошла спустя несколько дней после жестокого погрома, организованного турками против греков. Страшное впечатление произвело посещение храма византийской постройки, где валялись разбитые иконы, а настоятель был весь забинтован.

Но на самом конгрессе все было по-иному. В большинстве византинисты были настроены к советской делегации доброжелательно. В. Н. Лазарева заочно знали как крупного искусствоведа, а Зинаида Владимировна оказалась приятным сюрпризом. Молодая привлекательная женщина, умевшая вести светскую беседу по-французски, не вписывалась в западные представления о застегнутых на все пуговицы советских людях. Она обижалась только на то, что ее все время называли «мадемуазель Удальцова». Женщины среди западных византинистов тогда уже были, но все еще считалось, что наука и семья несовместимы, и в науку шли старые девы. Зинаида Владимировна пыталась доказать, что у нее есть муж и сын, но ей не верили, считая это пропагандой. Она жалела, что не захватила мои фотографии.

Но и другая сторона меняла свои представления. Удальцова долго верила не только в «революцию рабов», но и в превосходство советской науки, вооруженной правильным методом, над «буржуазной» наукой Запада. А в Стамбуле она увидела интересных людей, много знающих и часто более образованных, особенно по

части языков и источников. А. Грегуар, А. Пиганьоль и другие «буржуазные ученые» оказались очень приветливы. Особенно теплые отношения у нее установились с Георгием Александровичем Острогорским, русским эмигрантом, жившим в Югославии. Потом он не раз приезжал на родину, бывал у нас дома, была и она у него в Белграде, и дружеские контакты у них продолжались более двадцати лет, до его смерти.

И с тех пор Удальцова прочно свыклась с представлением о том, что есть мировая наука о Византии, а советское византиноведение — ее часть. Но это не значило, что она смотрела на западную науку снизу вверх. Наоборот, она всегда оставалась марксистом и считала, что этот подход наиболее плодотворен. Для нее, особенно в 50—60-е гг., казалось неприемлемым исходить из «филиации идей», как она иронически говорила. Она твердо была убеждена, что не идеи правят миром, а экономика, поэтому надо заниматься социально-экономической историей; здесь она сходилась со своими соотрудниками, включая А. П. Каждана, которого признали за рубежом именно как специалиста в этой области.

А основания гордиться советским византиноведением у Зинаиды Владимировны были. Помимо сотрудников сектора, из которых особенно выделялись А. П. Каждан (вскоре после Удальцовой также ставший доктором наук) и Г. Г. Литаврин, активно работали ленинградские историки: Е. Э. Липшиц, Е. Ч. Скржинская, Г. Л. Курбатов, Н. В. Пигулевская. С Курбатовым и Скржинской отношения были добрыми, с Пигулевской и особенно Липшиц — не очень, но все делали общее дело, постоянно публикуясь в «Византийском временнике». В Свердловском университете с 40-х гг. работал ученый старшего поколения М. Я. Сюзюмов, последний из непосредственных учеников дореволюционных византинистов. Он опубликовал очень яркую работу в 1916 г., а потом ни разу не издавался до 1940 г. В Свердловске благодаря его энтузиазму сложилась целая школа византинистов.

К началу 60-х гг. византистика у нас уже была столь развита, что можно было приступить к написанию трехтомной «Истории Византии». И тогда, и позже до конца советской эпохи у нас очень большое значение придавалось таким обобщающим трудам. Мать пробивала работу наверху, распределяла обязанности и написание глав книги, координировала всю деятельность авторов, хотя, безусловно, роль А. П. Каждана и Г. Г. Литаврина также была очень значительной. Трехтомник вышел в 1967—1968 гг.

60-е гг. были, пожалуй, расцветом активности Зинаиды Владимировны. Она много писала, имея талант писать легко и быстро (чем отличалась от моего отца), много занималась и организаторской деятельностью. Она любила ездить по стране и за границу (этим тоже отличалась от отца), часто совмещая деловые обязанности с познанием мира. Однажды она оказалась одна на несколько дней в Риме, пошла в туристическое бюро и на все деньги, что у нее были, купила с десяток экскурсий по городу с французским языком и ездила с утра до вечера. «Правила поведения советских граждан за рубежом» такое поведение не то что совсем за-

прещали, но не рекомендовали, но она не обращала на это вниманис. А однажды вместе со мной она поехала в Теберду по местам воспоминаний юности. Ей сразу захотелось повторить подвиги студенческих лет, она попыталась забраться с группой туристов на ледник Алибек, но возраст и силы были не те, и с ледника инструктору пришлось ее стаскивать. Все равно инструктор был в восхищении. Азарт в таких поступках у нее был всегда, в конце концов, он ее и погубил.

Под руководством академика Е. М. Жукова в те годы был создан всесоюзный научный совет «Закономерности перехода от одной общественно-политической формации к другой»; там Удальцова возглавила секцию феодализма и с 1964 г. раз в два года проводила сессии (одну из них я упоминал в связи с М. Ю. Юлдашевым). Там кто-то из участников прислал стихи о «прекрасной даме, которая просит соблюдать регламент». Мать имела репутацию красивой женщины и активно эту репутацию поддерживала, хотя фигура у нее после моего рождения уже была не та, как в годы, когда она занималась балетом. После Стамбула она постоянно участвовала в Международных конгрессах византистов, а с 1965 г. также и в Международных конгрессах историков. С 1966 г. она уже официально стала главным редактором «Византийского временника». Не раз его пытались закрыть: даже тогда многим византинистика казалась «несактуальным» занятием, но Удальцова обходила все рифы. Продолжала она (после короткого перерыва из-за «борьбы со злостными совмещителями», инициированного Н. С. Хрущевым) и преподавание в МГУ, как раз в это время ее студентами, а затем аспирантами были С. П. Карпов и П. И. Жаворонков.

В августе 1970 г. очередной Международный конгресс историков состоялся в Москве. Возглавлявший оргкомитет академик Е. М. Жуков, всегда благоволивший к Зинаиде Владимировне, поручил ей вместе с Е. В. Гутновой (старой ее знакомой по университету и аспирантуре) один из основных докладов. Доклад, в котором давалось типологическое сравнение западноевропейского и византийского феодализма, сделанный Удальцовой в актовом зале МГУ, имел успех, докладчица могла чувствовать себя на вершине славы. Но в ее жизни нередко радости совпадали с несчастьями. В тот же самый день тяжело заболел Владимир Амвросьевич, которому было уже 86 лет, и через месяц скончался. Выполняя его просьбу, Зинаида Владимировна с сестрой заказали сорокоуст и присутствовали на отпевании.

Чуть раньше, в 1968 г. начались реорганизации Института истории, который разделили на две части: Институт истории СССР и Институт всеобщей истории. А Зинаиду Владимировну уговорили со всем сектором перейти в Институт славяноведения, где она уже когда-то работала. Но на новом месте не сложились личные отношения, и через два года сектор вернулся обратно, теперь уже в Институт всеобщей истории, где мать работала затем до последнего дня. В Институте славяноведения остался Г. Г. Литаврин, которому, как когда-то Зинаиде Владимировне, пора было создавать собственный центр. На период работы в Институте славяноведения пришлось завершение и публикация историографической книги

Удальцовой «Советское византиноведение за 50 лет» (1969). В книге очень детально описаны работы по Византии с конца 30-х по конец 60-х гг., то есть марксистского периода, но ранний период, когда работали ученые старой школы, описан очень бегло: у автора не лежала душа к их деятельности, представлявшей ей сильно устаревшей, а церковная история не была ее сферой. Теперь в нашей историографии приоритеты явно изменились.

Следующая ее книга «Общественно-политическая борьба в ранней Византии» (1974) тоже была в какой-то степени историографической, но речь в ней шла об историках не XX, а IV—VI вв. Снова Зинанда Владимировна обратилась к ранней Византии, но теперь в ином ракурсе: теперь уже в центре внимания была история идей. Первая часть книги была посвящена светским, языческим или лишь поверхностно христианизированным авторам исторических сочинений, вторая — авторам церковных хроник. Безусловно, симпатии Зинанды Владимировны были на стороне первых, особенно любимых ею Аммиана Марцеллина и Прокопия. В них она видела живых людей, сопереживала им и их героям. Стиль ее всегда был очень эмоционален, она стремилась создавать психологические портреты своих персонажей.

Обстановка в стране и в среде интеллигенции между тем менялась. Мать и отец однозначно отнеслись положительно к снятию Хрущева: очень уж он раздражал некульгурностью и страстью к непродуманным реформам. К новым руководителям, особенно к Косыгину, они отнеслись доброжелательно, но постепенно на первый план вышел Брежнев, все более терявший здоровье и не скрывавший свою некомпетентность. Отделом науки ЦК долго руководил старый сослуживец Брежнева С. П. Трапезников, прославившийся тем, что в первом публичном выступлении перед академической аудиторией (на нем была и Удальцова) произнес слово *prestige* с ударением на первом слоге. Многие в том, что шло сверху, раздражало и Зинанду Владимировну, и Михаила Антоновича, но еще больше их расстраивали все более проявлявшиеся антикоммунистические настроения среди окружавших их интеллигентов. Они мало сталкивались с диссидентами в прямом смысле, но с ближайшими сотрудниками часто было работать все труднее.

Сложными были отношения с А. П. Кажданом, хотя деловое сотрудничество довольно долго сохранялось. Но все более выходили наружу различия в системе ценностей. Однажды в 60-х гг. они вдвоем ездили за рубеж. На обратном пути была остановка в Бресте. Зинанда Владимировна больше недели не знала о том, что происходило на родине, и первым делом кинулась покупать газеты. Прочитав, она дала их Каждану, а тот их брезгливо отшвырнул. Для него советские газеты не имели никакого значения. Мать это обидело. Разница взглядов все более сказывалась на взаимоотношениях, но когда в 1974 г. с Кажданом случился инфаркт, мать ему очень сочувствовала. Однако его эмиграция в 1978 г. (вслед за сыном, уехавшим тремя годами раньше) не стала для нее неожиданностью.

Позже, с 70-х гг. выдвинулся как византист С. С. Аверинцев, сначала занимавшийся Плутархом. У Зинаиды Владимировны к нему были симпатии: нравились его образованность и преданность древним культурам. Она долго ему покровительствовала и с гордостью говорила: «Я сделала Аверинцева выездным». На нее произвело большое впечатление, как во время поездки в Грецию он в античном амфитеатре в Эпидавре декламировал древнегреческих поэтов. Позже (1980) Удальцова оппонировала на докторской защите Аверинцева. Но две его черты ее разочаровывали. Они однажды вместе ездили в Болгарию, жена Сергея Сергеевича в это время ждала ребенка, и он заходил чуть ли не в каждый храм и молился за то, чтобы все прошло благополучно. Такая степень религиозности была ей просто непонятна. И еще тяжелее она перенесла поступок Аверинцева во время поездки в Париж. Он бросил остальную делегацию и на целый день уехал куда-то к русским эмигрантам. Дело было даже не в том, что это были эмигранты: Острогорский матери нравился. Но тот был гражданином социалистической Югославии, лояльным к своей власти, а тут были люди, известные недоброжелательством к Советскому Союзу. Она искренне не понимала, зачем хорошему ученому надо общаться с такими людьми.

Отношение матери к еще остававшимся представителям старой русской интеллигенции было гораздо лучше, чем к западникам. Она ценила в них и культуру, и патриотизм, и, вероятно, сходство с интеллигентами, памятными ей по временам Кисловодска. С юности она дружила с Дмитрием Павловичем Каллистовым, ленинградским античником. А Каллистов побывал до того и на Соловках, о чем ей рассказывал, позже он стал одним из основных источников информации по данной теме для «Архипелага ГУЛАГ». Взгляды не мешали ей сочувствовать судьбе Дмитрия Павловича. Их дружба длилась более тридцати лет, а когда он в 1973 г. долго и тяжело умирал от мозговой опухоли, она очень была расстроена, а потом специально ездила в Ленинград на похороны. Уже с 60-х у нее установились хорошие отношения с Д. С. Лихачевым. Зинаида Владимировна из симпатий к нему постоянно покровительствовала его дочери Вере Дмитриевне, занимавшейся византийским искусством, трагически погибшей в 1981 г. Сохранились интересные и очень откровенные письма Дмитрия Сергеевича к Зинаиде Владимировне и Михаилу Антоновичу. Мать понимала, что такие как Каллистов и Лихачев не любят советскую власть. Но она думала, что теперь, когда бури улеглись, как казалось, навсегда, эти люди считали существующую власть меньшим злом по сравнению с Западом и западничеством. Для них (по крайней мере, в то время) все-таки СССР был продолжением «них» России.

Но, безусловно, Зинаида Владимировна оставалась коммунисткой не только по принадлежности в партии, но и по взглядам. Сейчас часто говорят, что все у нас в те годы были заражены «двоусмыслием», кроме лишь открытых диссидентов. Предполагается, будто верить в советские идеи не мог никто. Но тут было именно так. Может быть, мать иногда в чем-то и сомневалась, но убеждала в верности линии

ЦК не только других, но и себя. Отец, человек с гораздо более сложной судьбой, переживший и Гражданскую войну, и коллективизацию, был здесь полным единомышленником. Это вовсе не значило, что им нравились выверты Хрущева, маразм Брежнева последних лет, бескультурье Трапезникова и прочих начальников. Но они отделяли конкретных людей от идей и институтов. Для Зинаиды Владимировны Отдел науки ЦК, с которым она постоянно сотрудничала, не ассоциировался с его заведующим, не умевшим правильно ставить ударения: это был орган, делающий то, что правильно, по определению, независимо от конкретных личностей. Она верила в то, что ей там говорили, и старалась выполнять получаемые директивы. И представляется, что в этом не было даже чего-то специфически советского: здесь было нечто похожее на американские традиции, согласно которым президент США заслуживает поддержки не за личные качества, которые могут быть всякими, а как представитель института власти.

Не всегда, однако, здесь ее представления и стремления совпадали с реальностью. Несудачей она, например, считала свое «хождение во власть». В 1961 г., Зинаиде Владимировне, только что успешно защитившей докторскую диссертацию, предложили стать депутатом Моссовета. Она согласилась с радостью, ей такая деятельность казалась интересной. Когда она стала депутатом, ее привел тогдашний московский руководитель Н. И. Егорычев; с делегациями, им возглавляемыми, она ездила в Ленинград, потом в Алма-Ату на празднование 40-летия советской власти в Казахстане, где несколько дней вблизи наблюдала Хрущева. Как бы она критически ни относилась к его личности, это казалось интересным, хотя лидер страны на ее глазах в полной мере показал свою грубость и бесцеремонность.

Но депутатские будни принесли ей разочарование. Сначала Зинаида Владимировна отнеслась к своим обязанностям со всей ответственностью, сидела на своем участке в приемные дни и пыталась выполнять указы избирателей, одним из которых была просьба об открытии в ее округе общественного туалета. Однако скоро стало понятно, что депутат никакой реальной роли не играет, все решает аппарат райисполкома, который относился к депутатскому корпусу высокомерно, туалет так открыть за два года и не удалось. Под конец срока Зинаида Владимировна уже не старалась ничего сделать, а перед следующими выборами решительно отказалась вновь баллотироваться, хотя сам Егорычев очень просил ее остаться.

Разочарование матери однажды (примерно в это же время) принесло и выступление на партийном активе, то ли городском, то ли районном. Она старалась говорить красиво и эмоционально, как она привыкла выступать на ученых и диссертационных советах, но совсем не академической публике это не понравилось. Ее стали захлопывать, а потом сказали: «Вы выступали, как актриса, а у нас это не годится». Магь обиделась и больше не выступала перед секретарями заводских парткомов. Зато она еще с Бугуруслана любила лекторскую деятельность. Помню,

как в конце 1953 г. она по поручению райкома бегала по предприятиям и рассказывала о роли личности в истории (борьба с «культом личности») началась уже тогда, хотя имя Сталина открыто еще не произносилось).

Безусловно, властные органы относились к ней всегда хорошо. Это сыграло роль и в ее избрании членом-корреспондентом АН СССР в декабре 1976 г. (правда, с пятой попытки), и в назначении директором Института всеобщей истории летом 1980 г., после смерти Е. М. Жукова. И тут снова успехи совпадали с несчастьями. Через несколько месяцев после избрания в Академию у Зинаиды Владимировны обнаружилась крайне опасная болезнь, в июне 1977 г. ей сделали тяжелую операцию, исход которой несколько дней был неясен. К счастью, все обошлось. А вскоре после ее назначения директором, в конце 1980 г., скоропостижно скончался Михаил Антонович.

Кроме директорства в институте, на Зинаиде Владимировне лежали и другие обязанности. По совместительству ей почти одновременно с назначением директором пришлось стать заведующей кафедрой средних веков исторического факультета МГУ (после смерти А. И. Данилова). Она возглавляла кафедру несколько лет, а незадолго до смерти передала ее своему любимому ученику С. П. Карпову после защиты им докторской диссертации (он стал на факультете впоследствии и деканом). Несколько лет она возглавляла Российское палестинское общество, но затем отказалась от него по причинам, сходным с причинами отказа от депутатства. Кроме «Византийского временника», она десять лет была и главным редактором «Вестника древней истории». Под ее редакцией был издан трехтомный труд «История крестьянства в Европе в средние века» (1985), была она и в числе руководителей работы над восьмитомной «Историей Европы», за участие во «Всемирной истории» она в 1987 г. получила Государственную премию СССР. Постоянно она ездила на международные конференции, в том числе на всемирные конгрессы историков (пять раз) и византинистов (восемь раз). В международных кругах византиноведов и медиевистов ее хорошо знали и, насколько я представляю, уважали. Она долго добивалась права провести один из конгрессов византинистов в Москве. Это было не так легко, поскольку требовались две санкции: Отдела науки ЦК и Международного комитета византинистов. На это ушло много сил и времени, несколько раз не получалось. Наконец, на очередном конгрессе в США в 1986 г. было принято решение провести следующий конгресс в Москве. Зинаида Владимировна очень этим гордилась. Решение было реализовано, но уже без нее, возглавлял московский конгресс 1991 г. Г. Г. Литаврин.

В эти годы начинались перемены и в науке, и во всей жизни. Кое-что Зинаида Владимировна понимала и принимала, особенно в сфере самой науки. Еще с конца 70-х гг. она осознала, что происходит сдвиг интересов от социально-экономических вопросов к проблемам культуры. По ее инициативе началась работа над новым трехтомником «История византийской культуры». Частично сохранялся прежний коллектив, пополнившийся С. С. Аверницевым и другими специалистами нового

поколения. Увидеть изданным ей было суждено лишь первый том (1984). Посмертно Зинаида Владимировна получила еще одну Госпремию, теперь уже России, в составе коллектива авторов трехтомника (1995). На основе своих теоретических разделов в «Истории» она еще написала небольшую книгу «Византийская культура», последнюю свою монографию, где дала очерк византийской культуры на протяжении тысячелетия. Зинаида Владимировна успела прочесть лишь корректуру книги, вышла она посмертно в 1988 г.

Но иначе она восприняла общественные перемены. «Перестройка» началась, когда она находилась на вершине своей карьеры, а здоровье и силы уже были не те, что когда-то. Мне кажется, что из-за тогдашних привычек медленно продвигать людей Зинаида Владимировна стала во главе института слишком поздно. Кроме всего прочего, она стала терять ранне свойственное ей умение меняться вместе со временем.

А перемены оказывались для нее все более непонятными. Ей нравился М. С. Горбачев и тем, что он молод и энергичен, и просто как руководитель «своей» страны и «своей» партии. Представить себе дальнейшее в 1985—1987 гг. мало кто мог. Но Зинаида Владимировна стала ощущать, что реформы выходят за пределы всех многочисленных трансформаций, пережитых ею до того. Она не знала, как все это оценивать. Как-то незадолго до смерти она сказала мне: «Что ж, если для укрепления страны нужно изменить экономику, значит так и надо. Но лишь бы не грозили идеологию!».

Но уже покушались и на идеологию. Заведующий сектором в ее институте Ю. Н. Афанасьев (до этого у них были прекрасные отношения) напечатал, да еще в журнале «Коммунист» статью с резкими оценками всей советской исторической науки. Мать с трудом переживала эту, как ей казалось, неблагодарность. Конфликт с Афанасьевым разрешился его уходом в Историко-архивный институт, вскоре преобразованный им в РГГУ. Совсем незадолго до смерти я застал ее совершенно убитой из-за того, что еще мало известный журнал «Век XX и мир» опубликовал статью М. Я. Гефтера. Они были знакомы со студенческих лет, и их отношения до 60-х гг. были хорошими. Но затем Гефтер стал оппозиционером, и их контакты прервались. Когда же он вышел из КПСС и начал выступать по «голосам», то для нее перестал существовать, она поверила не подтвердившемуся слуху об эмиграции Гефтера. И вдруг его печатают в советском издании! Для Зинаиды Владимировны это выглядело как появление из небытия давно умершего человека. В институте начались собрания с предложениями о реорганизации ученого совета, о расширении прав трудового коллектива за счет дирекции. До прямых нападений «общественности» на директора дело при ее жизни не дошло, но можно было ждать и такого.

За три дня до смерти, в субботу 26 сентября 1987 г. я видел мать последний раз (в 1979 г. она пересახала в академический дом на Ленинском проспекте). Она была занята корректурой «Византийской культуры» и академическими делами.

Одним из первых нововведений перестройки в исторической науке стала выборность директоров академических институтов. До Института всеобщей истории очередь еще не дошла, но в одном из соседних институтов, где место оказалось вакантным, шла предвыборная борьба с двумя основными кандидатами. Зинаида Владимировна сказала: «Я буду поддерживать А, хотя у меня с ним сложные отношения. Но конфликты у нас личные, а не политические. Б я мало знаю, но он для меня неприемлем, поскольку его поддерживают антикоммунисты института». Уже после ее смерти выбрали Б.

Когда я вечером уходил, мать спросила меня, что сегодня по телевизору. Я сказал: «Вечер Жванецкого» (тогда ему впервые разрешили сольный концерт на телевидении, что было для многих сенсацией). К моему удивлению она спросила, кто это. Я рассказал, упомянув, что сейчас он очень знаменит. Зинаида Владимировна вдруг сказала: «А для меня знаменитый человек — не Жванецкий! Для меня знаменитые люди — Михаил Пселл, Виссарион Никейский!». При всей погруженности в административные дела для нее главным была Византия, занятия которой спасали от мрачных мыслей.

Через два дня она уехала в Баку на симпозиум вместе с венгерскими учеными во главе с академиком Пахом, которые тогда были очень любезны и настроены на сотрудничество с Москвой (куда все делось уже через два года?). На другой день, 29 сентября всех повезли на экскурсию по городу. Мать была в хорошем настроении, интересовалась Баку, в котором была впервые, а когда приехали на пляж, вдруг захотела искупаться. В молодости она хорошо плавала, но к тому времени не входила в воду уже лет десять, а то и больше. Тот же азарт, что когда-то в Гербере. В воде ей стало плохо, и она захлебнулась. Ей было 69 лет (столько же лет прожил и ее герой Виссарион Никейский). Тело привезли в Москву. Похоронили Зинаиду Владимировну Удальцову на Ваганьковском кладбище рядом с родителями и мужем, в 1999 г. там положили и ее сестру.

Прошли два десятилетия, и эти, незбылемые для Зинаиды Владимировны, были официально осуждены и отвергнуты. История Византии стала во многом другой, на первый план выдвинулись самые далекие от нее проблемы вроде исихазма и догматики. В печати появлялись нелестные характеристики Удальцовой как «фигуры донельзя официальной». Обвиняли ее помимо приверженности марксизму и занятия высоких должностей и в том, чего никогда не было, вроде выталкивания А. П. Каждана за границу. Но чаще о ней просто умалчивают. Однако из истории отечественного византиноведения выбросить ее нельзя. Как бы ни расходились между собой понимание задач истории у Зинаиды Владимировны и многих нынешних византинистов, но она любила свое дело, активно участвовала в возрождении российской науки о Византии после упадка 30-х гг., а затем в течение четырех десятилетий способствовала ее развитию. Полвека существует созданный ею сектор, продолжает выходить «Византийский временник», который она вела и спасала много лет. И память о Зинаиде Владимировне сохраняется благодаря ее

ученикам, многие из которых и сейчас активно работают. Когда исполнялось 80 и 90 лет со дня ее рождения, С. П. Карпов устраивал в МГУ заседания ее памяти, куда приглашали и меня. Правда, в Институте всеобщей истории ее помянули в 1998 году, а в 2008-м уже нет. Но и сейчас есть благодарные ученики, которые ставят в день ее рождения в храмах свечку.

О матери после ее смерти вспоминали по-разному, но мне больше всего запомнились слова ныне тоже покойного академика Никиты Ильича Толстого, правнука Льва Николаевича: «Зинаида Владимировна была настоящая русская барыня». Мать родом не происходила из дворян, по взглядам с юности и до самого конца была коммунисткой. Но, видимо, что-то в ней было такое, что оценил потомок графского рода.